

Третій годъ изданія.

БАКИНСКІЯ

Пятница, 9-го (22) іюля 1904 г.

Подписная цѣна:

Съ доставкой мѣ. замъ, подписанная на годъ 7 р., 11 м. 6 р. 50 к.,
10 м. 6 р., 9 м. 5 р. 50 к., 8 м. 5 р., 7 м. 4 р. 50 к., 6 м. 4 р., 5 м. 3 р. 50 к.,
4 м. 3 р., 3 м. 2 р. 50 к., 2 м. 2 р., 1 м. 1 р.

Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 8 р. 50 к., 11 м. 7 р. 50 к.,
10 м. 7 р., 9 м. 6 р. 50 к., 8 м. 6 р., 7 м. 5 р. 50 к., 6 м. 5 р., 5 м. 4 р. 50 к.,
4 м. 4 р., 3 м. 3 р., 2 м. 2 р. 50 к., 1 м. 1 р. 50 к.

Наградицу: на годъ 11 р., на полгода 6 р. За перемѣну адреса просить
высылать 5 семикоп. марокъ. Подписка считается съ перваго
каждаго мѣсяца. Плата за объявленія: за мѣсяцъ, занимаемое
строкою печати, впередъ тебета—10 к., впередъ тебета—7 к.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи.

№ 154.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

Статьи, присылаемыя въ редакцію, по усмотрѣнію ея,
подлежатъ исправленію и сокращенію.

Крупнымъ, по армякамъ статьи, сокращаются въ произво-
женіе и мѣст. мѣсяцъ—принимается.

На присылаемыхъ рукописяхъ должны быть точно указ-
аны: фамилія автора, его адресъ и редакція, послѣ этого
посланная рукопись статьи принимается безвѣстными.

Телефонъ № 518.

№№ газеты по 5 к.

№ 154.

Изъ воспоминаній А. А. Суворина о Чеховѣ.

Я познакомился съ Чеховымъ давно, вскорѣ послѣ появленія его перваго разсказа въ „Новомъ Времени“ (въ 1886 г.). Онъ работалъ до того въ „Петерб. Газетѣ“, подписываясь А. Чехонте. Я написалъ ему, чтобы онъ бросилъ этотъ псевдонимъ и подписывался своей фамиліей. Такъ онъ и сдѣлалъ и сталъ болѣе или менѣе обрабатывать свои разсказы. Прежде онъ писалъ быстро, какъ бы мимоходомъ, какъ пишетъ журналистъ. Онъ мнѣ говорилъ, что одинъ изъ своихъ разсказовъ написалъ въ купальнѣ, лежа на полу, карандашемъ, положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ. Такіе разсказы его походили на анекдоты и вращались въ публикѣ. Разъ на Волгѣ, на пароходѣ, одинъ офицеръ сталъ ему разсказывать его же разсказы, увѣряя, что это случилось съ его знакомыми и съ нимъ, офицеромъ. Въ изданіи Маркса, который въ 1899 г. купилъ его сочиненія за 75.000 р. и то, что было напечатано, и то, что будетъ напечатано съ уплатою этихъ денегъ въ теченіе трехъ

лѣтъ, явилось много такихъ „анекдотовъ“. Г. Марксъ требовалъ отъ Чехова какъ можно больше рассказцевъ и составилъ изъ нихъ нѣсколько томовъ. Естественно, что г. Марксъ выручилъ всю уплаченную Чехову сумму первымъ же изданіемъ. Эта продажа составляла одно изъ мученій его за послѣдніе годы. Получи онъ 75000 р. разомъ съ г. Маркса, онъ могъ бы еще что-нибудь сдѣлать съ этимъ капиталомъ. Но получая ихъ по частямъ въ три года, онъ затѣялъ строить дачу и въ нѣсколько лѣтъ эти тысячи растаяли и растаяла мечта о своей независимости и свободѣ. Онъ снова остался безъ денегъ и единственный ресурсъ, который ему оставался,—это трудъ. А болѣзнь усиливалась, то замирая, то проявляясь сильнѣе. На несчастье Чехова, онъ продалъ свои сочиненія какъ разъ наканунѣ того времени, когда явился Горькій и вмѣстѣ съ нимъ началось необыкновенное требованіе на новыхъ писателей и на Чехова. Два года тому, развѣзжая съ нимъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ по кладбищамъ,—онъ любилъ до странности посѣщать кладбища, читать надписи на памятникахъ или молча ходить среди могилъ—онъ мнѣ говорилъ, что не можетъ писать беллетристики. Мысль, что онъ все продалъ, прошедшее и будущее, что есть у него „хозяйинъ“, который по праву покупки всѣмъ этимъ владѣетъ, какъ собственностью, отравляла его. Онъ пробовалъ убѣдить г. Маркса, нажившаго на его сочиненіяхъ, какъ говорили, большія деньги, измѣнить условія. Г. Марксъ предложилъ ему 5,000 р. на поѣздку за границу для поправленія здоровья и свои изданія въ хорошихъ переплетахъ. Чеховъ изданія въ хорошихъ переплетахъ взялъ, а отъ 5000 руб. отказался...

Чеховъ оставилъ за собой только право на театральнй гонораръ за пьесы и это право переходить и къ его наслѣдникамъ. Но право на изданіе самыхъ пьесъ принадлежитъ также г. Марксу...

Какъ много онъ работалъ, видно изъ той массы рассказовъ, которыя написалъ онъ подъ псевдонимомъ Чехонте. Разъ я говорилъ съ Л. Н. Толстымъ о Чеховѣ, который въ то время еще не былъ съ нимъ знакомъ.

— Я прочелъ одинъ изъ его рассказовъ въ какомъ-то календарикѣ,—сказалъ Л. Н.—Онъ живо написанъ. Но такихъ рассказовъ можно написать тысячу и тогда даже трудно судить о степени таланта автора. А вѣдь онъ написалъ только десятки, вѣроятно.

Я передалъ въ общихъ чертахъ этотъ разговоръ Чехову.

— Да, я дѣйствительно написалъ тысячу рассказовъ,—сказалъ Чеховъ.

Извѣстность ему давалась медленно, но то, что онъ завоевывалъ, оставалось прочнымъ его пріобрѣтеніемъ. Онъ видѣлъ, какъ измѣнилось быстро отношеніе къ молодымъ писателямъ, какъ расхваливали ихъ „рассказы“, называлъ себя „старикомъ“ и отсталымъ. Но молодые писатели почти-тельно около него группировались или отдавали ему дань уваженія. А самъ патріархъ, Л. Н. Толстой, послѣ „Палаты № 6“, говорилъ о Чеховѣ, какъ о большомъ талантѣ, интересовался не только имъ, но даже его мнѣніемъ о своихъ произведеніяхъ и давалъ ему первые наброски „Воскресенія“.

И Чеховъ обладалъ очень тонкихъ художественнымъ чутьемъ. Работалъ онъ надъ своими произведеніями такъ, чтобы „не было въ нихъ лишняго слова“. Фантазія его была прямо поразительная, если собрать всѣ тѣ мотивы и подробности быта, которые разбросаны въ его произведеніяхъ. Однимъ онъ мучился—ему не давался романъ, а онъ мечталъ о немъ и много разъ за него принимался. Широкая рама какъ будто ему не давалась и онъ бросалъ начатыя главы. Одно время онъ все хотѣлъ взять форму „Мертвыхъ душъ“, то-есть поставить своего героя въ положеніе Чичикова, который развѣзжаетъ по Россіи и знакомится съ ея представителями. Нѣсколько разъ онъ развивалъ предомною широкую тему романа съ полуфантастическимъ героемъ, который живетъ цѣлый вѣкъ и участвуетъ во всѣхъ событіяхъ XIX столѣтія. Онъ начиналъ драму, гдѣ главнымъ лицомъ является царь Соломонъ, „Паралипомена“ и „Пѣсни пѣсней“. Я думаю, что вѣчная забота о насущномъ хлѣбѣ и затѣмъ приступы болѣзни не давали ему свободы для большого произведенія.

Къ успѣху своихъ произведеній онъ былъ очень чувствителенъ и при своей искренности и прямотѣ не могъ этого скрывать. Когда послѣ первыхъ двухъ актовъ „Чайки“ на Александринскомъ театрѣ онъ увидѣлъ, что пьеса не имѣетъ успѣха, онъ бѣжалъ изъ театра и бродилъ по Петербургу неизвѣстно гдѣ. Сестра его и всѣ знакомые не знали, что подумать, и посылали всюду, гдѣ предполагали его найти. Онъ вернулся въ третьемъ часу ночи. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сказалъ мнѣ строгимъ голосомъ: „Назовите меня послѣднимъ словомъ (онъ произнесъ это слово), если когда-нибудь я еще напишу пьесу“. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву раннимъ утромъ съ какимъ-то пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ. Потомъ онъ оправдывался, говоря, что онъ подумалъ, что это былъ неуспѣхъ его личности, а не пьесы, и называлъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ петербургскихъ литераторовъ, которые яко бы высокомерно съ нимъ заговорили въ антрактѣ,

видя, что его пьеса падаетъ. На представленія слѣдующихъ своихъ пьесъ онъ почти не ходилъ. Когда онъ написалъ „Три сестры“, то жалѣлъ потомъ, что не написалъ на эту тему повѣсть, находя, что тема скорѣй для повѣсти, для драмы.

Чехову я многимъ обязанъ его прекрасной душѣ, которая молодила меня, которая давала и всѣмъ, кто съ нимъ сходилъ, это чувство чего-то живого, прямого, благороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ здравомысленнаго. Меньше всего думалось, что это писатель, что это талантъ. Все это даже забывалось и являлся человекъ во всѣмъ обаяніи его ума, искренности и независимости. Въ Чеховѣ было что-то новое, какъ будто совсѣмъ изъ другой жизни, изъ другой атмосферы. Таково по крайней мѣрѣ мое впечатлѣніе. Ни сантиментализма, ни притворнаго участія, ни фразъ. Иногда даже какъ будто жесткость, но жесткость правоты и твердости. Въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ страданій онъ сталъ благодушнѣе и мягче. Что-то меланхолическое и покорное судьбѣ явилось въ его изстрадавшейся душѣ. Съ нимъ умеръ страдалецъ-писатель не въ томъ представленіи, которое легко впадаетъ въ общее мѣсто и обращается въ банальную фразу, для не-писателей непонятную, а въ представленіи истиннаго страданія, физическаго и моральнаго, близкаго всякому человеку, близкаго той средѣ, поэтомъ которой онъ сдѣлался, которая принимала къ сердцу его драмы и понимала закрытый для другихъ ужасъ земного существованія и мечтала хоть о капелькѣ солнца, хоть объ обманѣ, который вывелъ бы ее изъ душной и бездѣльной тоски. Я разъ спросилъ его въ письмѣ (1894 г.). „Что долженъ желать теперь русскій человекъ?“ — „Вотъ мой отвѣтъ, — писалъ онъ, — желать. Ему нужны прежде всего желанія, темпераментъ. Надоѣло кисляйство“. Это кратко и неопредѣленно, пожалуй, но это выразительно и вѣрно. Самъ онъ всегда желалъ, желалъ прогресса русской жизни, желалъ сильныхъ характеровъ, дарованій, желалъ и искалъ весь свой краткій вѣкъ солнца и такъ умеръ, не увидѣвъ его настоящаго блеска.

„Нов. Вр.“.